

Викентий Вересаев

Записки врача

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.6
ББК 84-4
В31

В31 **Вересаев В.**
Записки врача / Викентий Вересаев – М.: Книга по Требованию, 2013. – 312 с.

ISBN 978-5-458-23774-1

«Я буду писать о том, что я испытывал, знакомясь с медициной, чего я ждал от нее, и что она мне дала». В 1901 году увидела свет книга молодого врача-писателя Викентия Викентьевича Вересаева (1867-1945) «Записки врача». Она имела сенсационный успех, выдержала 14 изданий и была переведена на все европейские и на японский языки. Несмотря на то, что предлагаемое издание выпущено всего лишь через год, оно является уже четвёртым по счёту. Сразу после выхода вокруг книги разгорелись жаркие споры. Передовая медицинская общественность, в частности деятели земской медицины, горячо восхищались книгой, одобряли и поддерживали высказывания своего коллеги. Выдающийся ученый и врач В. А. Манассеин, которого называли «совестью русской медицины», отмечая некоторые преувеличения, допущенные автором, указывал, что «Записки врача» написаны «тепло, правдиво, талантливо». Другие, в том числе большинство частных практикующих врачей, резко осуждали книгу, считая, что автор излишне пессимистичен, дискредитирует врачей, предъявляет к ним завышенные требования. Переживания начинающего свою деятельность врача, трудности, доводившие его до отчаяния, несоответствие между тем, к чему его готовили, и тем, что он увидел в жизни, - обо всем этом рассказано в «Записках врача» ярко и откровенно. Сложные проблемы, возникавшие перед молодым врачом, автор рассматривал не с узкопрофессиональных позиций. Остро, талантливо говорил он о задачах и возможностях медицинской науки, стремился правдиво показать положение врача в обществе, его взаимоотношения с больными и здоровыми, его моральные обязательства перед ними. Книга заставляла и заставляет думать, искать ответ на поставленные в ней вопросы.

ISBN 978-5-458-23774-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

это систематическое замалчиваніе сдѣлало и продолжаетъ дѣлать очень недоброе дѣло: благодаря ему, нѣтъ самаго главнаго,—нѣтъ той общей атмосферы, которая была бы полна сознаніемъ неразрѣшенности этихъ вопросовъ и сознаніемъ насущной, неотложной надобности ихъ разрѣшенія. Вопросы рѣшаются въ одиночку и втихомолку, вкривь и вкось, а чаще всего заглушаются безъ всякаго разрѣшенія. По поводу моихъ „Записокъ“ мнѣ приходилось слышать отъ врачей возраженія, которыхъ я положительно не рѣшаюсь привести,—до того они дики и профессионально-эгоистичны; а слышать ихъ мнѣ приходилось отъ многихъ. Я думаю, подобныя возраженія могутъ выплывать лишь изъ того непрогляднаго, безгласнаго мрака, въ которомъ мысль начинаетъ шевелиться, лишь вплотную натолкнувшись на вопросъ; и трудно ждать, чтобы при такихъ условіяхъ вопросъ былъ охваченъ сколько-нибудь широко.

Мнѣ говорятъ: если вы считали необходимымъ поднять ваши вопросы, то почему вы не прибѣгли къ спеціальной врачебной печати, зачѣмъ вы обратились съ этими вопросами къ профанамъ? Разрѣшить ихъ профаны, все равно, не въ состояніи, и имъ совсѣмъ даже не слѣдуетъ знать о существованіи этихъ вопросовъ.

Въ средніе вѣка одинъ вормскій врачъ, Ресслинъ, издалъ свой медицинскій трудъ не на латинскомъ языкѣ, какъ тогда было въ обычаѣ, а на нѣмецкомъ; вполне сознавая всю возмутительность такой „профанации“ своей науки, онъ въ предисловіи извинялся въ этомъ передъ читателями и убѣдительно просилъ ихъ получить прятать его книгу, „чтобъ она не попала въ руки непосвященнымъ, и чтобъ такимъ образомъ бисеръ не метался передъ свиньями“.

Времена эти давно миновали; спеціальная печать пользуется теперь исключительно роднымъ

языкомъ, доступнымъ и понятнымъ всякому „непосвященному“. Напиши я свои „Записки“ хотя бы и менѣе популярно, опубликуй я ихъ въ спеціальномъ изданіи, — все равно, общая пресса извлекла бы изъ нихъ на вольный свѣтъ все „интересное“; разница была бы только та, что она придала бы фактамъ свое собственное освѣщеніе, — можетъ быть, невѣрное и невѣжественное.

Впрочемъ, суть дѣла не въ этомъ; суть вотъ въ чемъ: почему профанамъ не слѣдуетъ знать о существованіи указываемыхъ вопросовъ? Кто дать кому право опекать профановъ? Пускай публикуютъ свои „записки“ судья, учитель, литераторъ, адвокатъ, путеецъ, полицейскій приставъ. Если мнѣ скажутъ, что мнѣ, какъ профану, вредно знать изнанку всѣхъ этихъ профессій, то я отвѣчу, что я не ребенокъ и что я самъ въ правѣ судить, что для меня вредно.

Узнавъ правду, профаны могутъ потерять довѣріе къ врачамъ и медицинѣ... Какой это старый-старый, негодный, и все-таки всѣми признаваемый способъ, — предписывать молчаніе, изъ боязни, чтобъ правда не поколебала авторитетъ! Какъ будто есть такой крѣпкій ящикъ, въ которомъ можно наглухо запереть правду! Какими обручами ни оковывай ящикъ, онъ неудержимо разѣдется по всѣмъ скрѣпамъ, и правда поползетъ изъ щелей, — обезображенная, отрывочная, раздражающая своею неполнотою и заставляющая предполагать все самое худшее. Врачи тщательно оберегаютъ публику отъ всего, что могло бы поколебать въ ней вѣру въ медицину. Ну, и что же? Сильна въ публикѣ вѣра въ медицину? Не подхватываетъ она всякую самую чудовищную сплетню о врачахъ, не предъявляетъ она къ врачамъ самыхъ нелѣпыхъ обвиненій и требованій?

Для пользы *даннаго момента* иногда по необходимости приходится обманывать тяжелаго больного;

но общество въ цѣломъ—не тяжелый больной, и минутную ложь нельзя возводить въ постоянное правило. Одно изъ двухъ: либо правда можетъ уменьшить вѣру въ медицину и врачей потому, что медицина по самой своей сути не заслуживаетъ подобной вѣры,—въ такомъ случаѣ правда полезна: ничего нѣтъ вреднѣе и ничего не несетъ съ собою столько разочарованій, какъ преувеличенная вѣра во что-нибудь. Либо, во-вторыхъ, правда можетъ колебать вѣру во врачей потому, что указываетъ на устранимыя, но не устраняемыя темныя стороны врачебнаго дѣла,—въ такомъ случаѣ правда *необходима*: если темныя стороны будутъ устранены, то вѣра опять появится, пока же онѣ не устранены, то полной вѣры и не должно быть. Повторю здѣсь то, что я говорю въ „Запискахъ“: я лично не обращаюсь за помощью къ только что кончившему врачу, не лягу подъ ножъ хирурга, дѣлающаго свою первую операцію, не позволю дать своему ребенку новаго, мало-испытаннаго средства, не позволю привить ему сифилисъ. Думаю, ни на что это не согласится и ни одинъ изъ врачей. Разъ же это такъ, то какъ можно скрывать все это отъ „непосвященныхъ“, какъ можно предоставлять имъ идти на то, отъ чего всякій „посвященный“ благо-разумно уклонится?

Что профаны не въ состояніи разрѣшить поднимаемыхъ вопросовъ,—это совершенно вѣрно. Но профаны въ правѣ требовать разрѣшенія этихъ вопросовъ и интересоваться ихъ разрѣшеніемъ: дѣло слишкомъ близко касается ихъ. Даже больше,—гласное обсужденіе всѣхъ этихъ вопросовъ, по-моему, представляетъ единственную гарантію удовлетворительности ихъ рѣшенія; если рѣшать будутъ одни врачи, то они легко могутъ впасть въ большую или меньшую односторонность.

Мыѣ предъявляютъ еще другое обвиненіе. Одна

распространенная врачебная газета утверждает, что я „непозволительно обобщаю единичные факты изъ врачебной практики“, что я, „неизвѣстно ради чего“, позволяю себѣ „несомнѣнные преувеличенія и чрезмѣрное сгущеніе красокъ“. Съ такимъ обвиненіемъ приходится, разумѣется, считаться самымъ серьезнымъ образомъ; къ сожалѣнію, оно высказано совершенно голословно, такъ что возражать на него довольно трудно. Возможность подобныхъ обвиненій я предвидѣлъ съ самаго начала и, въ прямой ущербъ изложенію, обильно уснастил свои „Записки“ цитатами, какъ мнѣ кажется, достаточно характерными и убѣдительными. Въ общей печати мнѣ даже пришлось встрѣтить упрекъ, что я „вдаюсь въ чрезчуръ большія подробности“, и что „Записки“ мои „смахиваютъ временами на спеціальную статью въ медицинскомъ журналѣ“. Если я не привожу еще больше подтвержденій правильности моихъ „обобщеній“, то во всякомъ случаѣ никакъ ужъ не за недостаткомъ такихъ подтвержденій.

Р. S. Въ разныхъ мѣстахъ „Записокъ“ я называю по фамиліямъ больныхъ и врачей, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло. Въ виду обращенныхъ ко мнѣ запросовъ, считаю нужнымъ объяснить то, что и само по себѣ, казалось бы, совершенно ясно,—что въ беллетристической части „Записокъ“ не только фамиліи, но и самыя лица, и обстановка — вымышлены, а не сфотографированы съ дѣйствительности.

ЗАПИСКИ ВРАЧА.

Я кончилъ курсъ на медицинскомъ факультетѣ семь лѣтъ назадъ. Изъ этого читатель можетъ видѣть, чего онъ въ правѣ ждать отъ моихъ записокъ. Записки мои—это не записки стараго, опытнаго врача, подводящаго итоги своимъ долгимъ наблюденіямъ и размышленіямъ, выработавшаго опредѣленные отвѣты на всѣ сложные вопросы врачебной науки, этики и профессіи; это также не записки врача-философа, глубоко проникшаго въ суть науки и вполнѣ овладѣвшаго ею. Я—обыкновеннѣйшій средній врачъ, съ среднимъ умомъ и средними знаніями; я самъ путаюсь въ противорѣчіяхъ, я рѣшительно не въ силахъ разрѣшить многіе изъ тѣхъ тяжелыхъ, настоятельно требующихъ рѣшенія вопросовъ, которые возникаютъ предо мною на каждомъ шагу. Единственное мое преимущество,—что я еще не успѣлъ стать человѣкомъ профессіи, и что для меня еще ярки и сильны тѣ впечатлѣнія, къ которымъ современемъ невольно привыкаешь. Я буду писать о томъ, что я испытывалъ, знакомясь съ медициной, чего я ждалъ отъ нея и что она мнѣ дала, буду писать о своихъ первыхъ само-

стоятельныхъ шагахъ на врачебномъ поприщѣ и о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ мною изъ моей практики. Постараюсь писать *все*, ничего не утаивая, и постараюсь писать искренно.

I.

Я учился въ гимназіи хорошо, но, какъ и большинство моихъ товарищей, науку гимназическую презиралъ до глубины души. Наука эта была для меня тяжелою и непріятною повинностью, которую для чего-то необходимо было отбыть, но которая сама по себѣ не представляла для меня рѣшительно никакого интереса: что мнѣ было до того, въ какомъ вѣкѣ написано „Слово Данила-Заточника“, чей сынъ былъ Оттонъ Великій, и какъ будетъ страдательный залогъ отъ „persuadeo tibi“? Развитие мое шло помимо школы, помимо школы приобретались и интересовавшія меня знанія.

Все это рѣзко измѣнилось, когда я поступилъ въ университетъ. На первыхъ двухъ курсахъ медицинскаго факультета читаются теоретическіе естественно-научные предметы—химія, физика, ботаника, зоологія, анатомія, физиологія. Эти науки давали знаніе, настолько для меня новое и настолько важное, что совершенно завладѣли мною: все вокругъ меня и во мнѣ самомъ, на что я раньше смотрѣлъ глазами дикаря, теперь становилось яснымъ и понятнымъ; и меня удивляло, какъ могъ я дожить до двадцати лѣтъ, ничѣмъ этимъ не интересуясь и ничего не зная. Каждый день, каждая лекція несли съ собою новыя для меня „открытія“:

я былъ пораженъ, узнавъ, что мясо, то самое мясо, которое я ѣмъ въ видѣ бифштекса и котлетъ, и есть тѣ таинственные „мускулы“, которые мнѣ представлялись въ видѣ какихъ-то клубковъ сѣроватыхъ нитей; я раньше думалъ, что изъ желудка твердая пища идетъ въ кишки, а жидкая—въ почки; мнѣ казалось, что грудь при дыханіи расширяется *оттого*, что въ нее какою-то непонятною силою вводится воздухъ; я зналъ о законахъ сохраненія матеріи и энергіи, но въ душѣ совершенно не вѣрилъ въ нихъ. Впослѣдствіи мнѣ пришлось убѣдиться, что и большинство такъ называемыхъ образованныхъ людей имѣетъ не мѣтѣ младенческія представленія обо всемъ, что находится предъ ихъ глазами, и это ихъ не тяготитъ. Они покраснѣютъ отъ стыда, если не сумѣютъ отвѣтить, въ какомъ вѣкѣ жилъ Людовикъ XIV, но легко сознаются въ незнаціи того, что такое угаръ, и отчего свѣтится въ темнотѣ фосфоръ.

Что касается анатоміи, то часто приходится слышать, какою тяжелою и непріятною стороною ея изученія является необходимость препарировать трупы. Дѣйствительно, нѣкоторые изъ товарищей довольно долго не могли привыкнуть къ виду анатомическаго театра, наполненнаго ободранными трупами съ мутными глазами, оскаленными зубами и скрюченными пальцами; одному товарищу пришлось даже перейти изъ-за этого на другой факультетъ: онъ сталъ страдать галлюцинаціями, и ему казалось по ночамъ, что изъ всѣхъ угловъ комнаты къ нему ползутъ окровавленные руки, ноги и головы. Но лично я привыкъ къ тру-

намъ довольно скоро и съ увлеченіемъ просиживалъ цѣлые часы за препаровкою, раскрывавшею предо мною всѣ тайны человѣческаго тѣла; въ теченіе семи-восьми мѣсяцевъ я ревностно занимался анатоміей, цѣликомъ отдавшись ей, и на это время взглядъ мой на человѣка какъ-то удивительно упростился. Я шелъ по улицѣ, слѣдя за идущимъ предо мною прохожимъ, и онъ былъ для меня не болѣе, какъ живымъ трупомъ: вотъ теперь у него сократился *glutaeus maximus*, теперь—*quadriceps femoris*; эта выпуклость на шеѣ обусловлена мускуломъ *sternocleidomastoideus*; онъ наклонился, чтобъ поднять упавшую тросточку,—это сократились *musculi recti abdominis* и потянули къ тазу грудную клѣтку. Близкіе, дорогіе мнѣ люди стали въ моихъ глазахъ какъ-то двоиться: эта дѣвушка,—въ ней столько оригинальнаго и славнаго, отъ ея присутствія на душѣ становится хорошо и свѣтло, а между тѣмъ все, составляющее ее, мнѣ хорошо извѣстно, и ничего въ ней нѣтъ особеннаго: па ея мозгѣ тѣ же извилины, что и на сотняхъ видѣнныхъ мною мозговъ, мускулы ея также насквозь пропитаны жиромъ, который дѣлаетъ столь непріятнымъ препарированіе женскихъ труповъ, и вообще въ ней нѣтъ рѣшительно ничего пріятельнаго и поэтическаго.

Еще болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ предлагаемая знапія, произвелъ на меня методъ, царившій въ этихъ знаніяхъ. Онъ велъ впередъ осторожно и неуклонно, не оставляя безъ тщательной провѣрки самой ничтожной мелочи, строго контролируя каждый шагъ опытомъ и наблюде-